

С. Г. Струмилин
Проблемы планирования в СССР¹
(извлечение)

**Станислав
Густавович
СТРУМИЛИН,**
советский экономист
и статистик, академик
АН СССР (1931 г.), ру-
ководитель разработки
первой в мире системы
материальных балан-
сов; один из авторов
пятилетних планов ин-
дустриализации СССР

1. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЛАНИРОВАНИЯ

А. К ТЕОРИИ ПЛАНИРОВАНИЯ

«Наука совершает операции, напоминающие ткачество, и через постройку своих лоскутков искусственно собирает некоторые людей — архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска он уже построил ее в своей голове... Он не только измещает форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет и то же время и сию же секунду и ую цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю».

К. Маркс. Капитал, I, стр. 149.
Гиз, 1923.

1. ХОЗЯЙСТВО И ПЛАН

Понятие хозяйства предполагает, во-первых, наличие хозяина, т. е. субъекта хозяйственной деятельности, во-вторых, известный комплекс объектов, подвергающихся хозяйственному воздействию, и, в-третьих, самую деятельность, т. е. сознательное воздействие хозяина на эти объекты с целью обеспечения себе известного запаса материальных благ, необходимых для удовлетворения не только текущих, но и будущих его потребностей. Только такая деятельность, продиктованная заботой о нуждах грядущих дней, заслуживает имени хозяйственной. Забота о будущем, т. е. известная предусмотрительность, вот истинная душа всякого хозяйства.

Хозяйственная забота о будущем свойственна не только человеку. Ей не чужды и некоторые виды животных. Так, например, если какой-нибудь бесхозяйный зайчишка, изо дня в день промышляя лишь о своем насущном пропитании, отнюдь не беспокоится о завтрашнем дне, то предусмотрительная белка, заготавливая себе запас орехов на всю долгую зиму, проявляет уже вполне «формленные хозяйственные инстинкты. У зайца нет еще

5

¹ Струмилин С. Г. Проблемы планирования в СССР. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1932.

„идеи“ хозяйства. А вот белка является уже в известном смысле заправским хозяином-скопидомом. Еще сложнее хозяйство бобров или муравьев и пчел. У них мы находим не только простое накопление жизненных припасов на черный день, а весьма сложное и совершенное хозяйственное строительство. Бобры строят огромные плотины и очень хитроумные подводные жилища. Муравьи занимаются животноводством и доят своих домашних тлей так, как мы доим своих коров или коз. А постройка пчелиных сот представляет собою и подавно такое архитектурное достижение, которое заслуживает изумления даже прекрасно вышколенного человеческого ума.

И все же, говоря словами К. Маркса, даже самый плохой архитектор превосходит самую искусную пчелу в том отношении, что раньше осуществления своей постройки в конкретной действительности он конструирует ее предварительно в своем сознании.

Чтобы оценить по достоинству это противопоставление искусной пчелы плохому архитектору, необходимо усвоить себе идею плана. Архитектор раньше самой постройки конструирует у себя в уме или на бумаге план этой постройки, т. е. задается известной целью, которую должна осуществить эта постройка, обдумывает, как из наличного материала ее можно создать в данной обстановке с наименьшими затратами времени и усилий, и соответственно с этим намечает конкретную программу действий. Пчела строит свои ячейки без такого плана, повинаясь лишь унаследованным навыкам своей работы, т. е. инстинкту. Ее „искусство“, в котором запечатлен опыт тысячелетий, велико. А архитектор может оказаться весьма неопытным и неискусным. Но искусство пчелы омертвело в своей автоматичности. Оно недоступно никакому прогрессу. Пчела никогда ничего нового не построит, кроме своей ячейки. А живой ум архитектора, создавая для каждой новой обстановки новые планы, способен построить и первобытный шалаш из ветвей, и деревянный домишко, и мраморный дворец, и железобетонные небоскребы.

Конкретные цели или задачи плана могут быть весьма многообразны. Можно задаваться не только созидательными планами, но и разрушительными. Например, можно запроектировать план сражения, войны, революции, хотя нас интересуют здесь только хозяйственные планы, т. е. планы, направленные на осуществление хозяйственных задач

и предположений. Однако, всякий план мыслится прежде всего как определенная программа действий, ведущая в данной конкретной обстановке к намеченной цели с наименьшими затратами времени и усилий.

Мы уже говорили выше, что всякое хозяйство исходит из предусмотрительной заботы о будущем и выражается в определенной системе целевого воздействия субъекта хозяйства на данный комплекс его объектов. Такая предусмотрительность и целеустремленность, заложенная в самой идее хозяйственной деятельности, как-будто бы уже сама по себе предполагает наличие известного плана в каждом хозяйстве, и действительно рациональное ведение хозяйства немыслимо без плана. Но значит ли это, что в с я к о е хозяйство можно назвать плановым, т. е. ведущимся разумно по заранее намеченному плану в вышеуказанном смысле этого слова?

Нет, не значит. Даже если ограничиться сферой отдельных индивидуальных хозяйств, составляющих лишь в своей совокупности то, что мы называем народным хозяйством, то и в этой сфере далеко не всякое хозяйство строится по сознательно намеченному и в какой-либо мере продуманному плану. Более того, если обратиться к нашей деревне, то про огромное большинство крестьянских хозяйств можно было бы сказать без ошибки, что они велись до сих пор без всякого плана, руководствуясь лишь наполовину хозяйственным инстинктом, наполовину вековой традицией, т. е. почти так, как ведется хозяйство пчелиного улья. Проф. Дояренко, чтобы подчеркнуть эту особенность нашей деревни как-то высказал в Госплане следующую мысль. То, чем занимаются наши крестьяне-землеробы вовсе не хозяйство. Это просто известный быт. Если наш землероб выезжает весной на пашню, летом на луга и т. д. и производит там известные операции, то делает он это отнюдь не из тех или иных хозяйственных соображений, а просто потому, что такие точно действия, в ту же самую пору, той же самой вековой сохой или косой исстари и отцы, и деды его творили. Таков уж, дескать, это исконный обычай, тем более нерушимый, что истинный смысл его давно уже забыт и утерян.

Конечно, в таком изображении имеется большая доза тенденциозного преувеличения. Наш крестьянин вовсе не чужд хозяйственных соображений. Но все эти соображе-

Он хозяйствует, ибо его ни на минуту не оставляет забота о средствах существования на завтрашний день. Но организация его хозяйства и приемы труда, унаследованные от другой эпохи, отнюдь не отвечают требованиям современности. Усвоенная им пассивно и осуществляемая по обычаю „отню и дедню“ программа действий в данной конкретной обстановке вовсе уже не ведет его к намеченной цели кратчайшим путем. Она не удовлетворяет требованиям рационального плана. Архаическое крестьянское хозяйство управляется властью окостеневших традиций, властью земли, властью рыночной стихии, наконец, властью всяких иных фетишей, только не собственной волей хозяина, не его собственным хозяйственным планом.

Несколько иначе обстоит дело в индивидуальном хозяйстве современного капиталистического предприятия. Над ним не тяготеет бремя мертвящих патриархальных традиций. Каждый такой предприниматель, взятый в отдельности, строит свое хозяйство обычно по строго продуманному плану с учетом всех требований современности. Но если рассматривать их все вместе в общей совокупности всего народного хозяйства, взятого в целом, то окажется, что и здесь господствует в конечном счете не план, а стихия.

Это объясняется, конечно, тем, что в капиталистическом обществе каждый предприниматель строит свой хозяйственный план на индивидуалистическом принципе конкуренции, т. е. рыночной борьбы каждого против всех и всех против каждого. Обогащение всей буржуазии в целом строится здесь, прежде всего, на классовой эксплуатации всего пролетариата в целом. Но это только первая производственная стадия капиталистического хозяйства. Чтобы иметь возможность дальнейшей эксплуатации пролетариата, создаваемые на этой стадии товары необходимо еще реализовать. И здесь уже не только буржуазия в целом, а и каждый буржуа-предприниматель в отдельности противопоставляет свои индивидуальные хозяйственные интересы интересам всего остального общества. На капиталистическом рынке всякий человек человеку—волк. Здесь всякий крупный успех одного хозяйства рассматривается как явная неудача других, с ним конкурирующих. И наоборот—полное разорение и банкротство одних хозяйств ве-

дет обычно к сугубому обогащению и процветанию других.

К чему же должна привести такая антагоничность интересов и противоречивость хозяйственных устремлений отдельных членов капиталистического общества? Хозяйственные планы отдельных предприятий могут быть хорошо продуманы и рационально построены только в той части, в которой они не зависят от других предприятий, т. е. в части внутренней организации каждого частного предприятия. Но благодаря крупным масштабам капиталистического производства и высокой его технике, основанной на чрезвычайно развитом разделении труда, ни одно капиталистическое предприятие не замыкается на себя. Тысячью экономических нитей и в деле снабжения материалами, и в деле сбыта готовой продукции оно теснейшим образом связано через рынок с десятками и сотнями других предприятий. Каждое из них строит свой собственный хозяйственный план, ревниво оберегая его как коммерческую тайну от всех конкурентов. Каждый из этих планов строится независимо от всех других, исходя только из учета частных интересов данного индивидуального хозяйства или капиталистического треста, и потому строится в неизбежном противоречии с другими планами. Спрашивается, могут ли все эти не только несогласованные друг с другом, но, более того, заведомо противоречивые планы одновременно оказаться в достаточной степени реальными и осуществимыми? Разумеется, нет.

Миллионы скрешивающихся хозяйственных устремлений складываются, конечно, в последнем счете в ту или иную равнодействующую. Но эта равнодействующая не совпадает по своей величине и направлению ни с одной из составляющих. И слагающийся в ней хозяйственный эффект тем меньше общей суммы затраченных усилий, чем гуще скрешиваются они в узел неразрешимых капиталистических противоречий. В этом именно узле противоречий находит свое разрешение та трагедия расточительства, которая столь характерна для капиталистического хозяйства¹. В этом узле сумма казалось бы очень разумных волевых усилий превращается с неразумную стихию. Здесь каждый хозяин в отдельности что-то предполагает, а стихия рынка всеми ими властно

¹ См. Чэа. Трагедия расточительства.

располагает. А в результате от множества внутренне-противоречивых частно-хозяйственных планов мы приходим к хозяйственному хаосу, к периодически потрясающим капиталистическое общество хозяйственным кризисам, к хронической трагедии расточительства его производительных сил.

Имени хозяйственного плана, по нашему определению, заслуживает, однако, лишь такая программа действий, которая обеспечивает достижение намеченного эффекта с наименьшей затратой сил, а не ценою стихийного их расточительства. Этому требованию принципа экономии сил не удовлетворяет в полной мере ни один из частно-хозяйственных планов капиталистического общества. И не может удовлетворять уже в силу множественности этих планов и связанной с этим их внутренней несогласованности. Хозяйственный план в условиях общественного разделения труда должен быть единым для всего общества. Всякий иной план, не удовлетворяющий этому требованию единства, не удовлетворит полностью и основному плановому принципу экономии сил, а потому может быть рассматриваем лишь как известный элемент целостного плана или, в лучшем случае, как недоразвившийся эмбрион такого плана.

Капиталистическое общество зиждется на основе общественного разделения труда и потому его следует рассматривать как целостный хозяйственный комплекс, как единое народное хозяйство в рамках каждого государственного образования или даже как единое мировое хозяйство, поскольку оно постепенно преодолевает и всякие государственные границы. Правда, капиталистическое хозяйство иногда называют псевдохозяйством, рассматривая его как хозяйство без хозяина. Но к этой характеристике необходимы весьма существенные оговорки. Капиталистическое хозяйство не располагает единоличным хозяином. Это верно. Но у него имеется зато коллективный хозяин—буржуазия. И этот классовый коллектив в лице своих президентов и министров располагает достаточно централизованным аппаратом управления и классовой хозяйственной политики. Чего, действительно, недостает капиталистическому хозяйству даже в высшей его форме монополистического капитализма, это—единого хозяйственного плана. В этой его особенности воистину можно усматривать органический порок названного хозяйства. Но

пороком бесплановости страдают нередко и единоличные хозяйства.

Однако, в праве ли мы рассматривать бесплановость как органический, т. е. неизлечимый порок капиталистического хозяйства? Это вопрос огромного для нас значения. Если бы капитализм мог собственными силами, не изменяя в корне своей природы, рано или поздно реорганизоваться в чуждое всякого расточительства, т. е. вполне экономически-рациональное, плановое хозяйство, то шансы его в борьбе с грядущим ему на смену социализмом и коммунизмом возросли бы до чрезвычайности.

Но к счастью для всего человечества капитализм не располагает такими шансами. Капиталистическое хозяйство строится на хищнической эксплуатации труда и беспощадном разорении всех конкурентов. Частный интерес личной наживы стоит здесь неизмеримо выше интересов общественной экономии. В этом расточительном пренебрежении к общественным интересам и выражается истинная „природа“ капитализма. Буржуазия вовсе не заинтересована в ликвидации той трагедии расточительства производительных сил общества, которая вызывается отсутствием плановости, ибо в этой трагедии отнюдь не она является жертвенным козлом отпущения. Наоборот, такие социальные бедствия, как народная нищета и массовая безработица, представляющие собою одновременно и следствие, и причину хронического расточения производительных сил общества, являются естественной и совершенно необходимой предпосылкой капиталистической эксплуатации и обогащения буржуазии.

Не таковы предпосылки планового хозяйства. Анализируя условия наиболее эффективного использования наличных хозяйственных ресурсов, объективная экономическая наука пришла к нижеследующему выводу. Оптимальный эффект дает такое хозяйство, которое планомерно распределяет свои производительные силы в точном соответствии с общественными потребностями и обеспечивает, таким образом, вполне равномерное удовлетворение потребностей всех членов общества¹. Спрашивается, приемлем ли для

¹ Подробнее об этом см. нашу „Формулу хозяйственного плана“ в книге: С. Струмилин. Проблемы экономики труда, стр. 213 и след. М., 1924.

капитализма этот основной постулат планового хозяйства, в корне отвергающий принцип классовой эксплуатации? Разумеется, нет.

Рассуждая абстрактно, мы можем себе представить, что тигры капиталистической эксплуатации, основательно передув друг друга в конкурентной борьбе и добившись концентрации всех средств производства и самой государственной власти в руках какого-нибудь одного сверхтреста, охотно усвоили бы себе, вместе с тем, и идею единого хозяйственного плана. Исторически, при сложившихся соотношениях классовых сил, эта чисто логическая возможность уже исключена победным шествием социальной революции. Но если бы она даже осуществилась в рамках такого достигшего своей вершины империализма, то это был бы все же план опустошительной эксплуатации и истощения пролетариата в небывалых еще масштабах, а не план оптимальной рационализации хозяйства в интересах всего общества в целом. Говоря иначе, буржуазия даже в рамках наиболее развитого государственного капитализма в лучшем случае могла бы воспринять лишь голую форму, т. е. внешнюю пустую оболочку планового хозяйства, но не его внутреннее социально-экономическое содержание.

Опыты такого псевдопланового хозяйничания буржуазии мы уже испытали в период последней империалистической войны. И тогда уже оно служило целям величайшего расхищения, а не накопления производительных сил общества. Капитализм — это почти синоним анархической бесплановости и бесхозяйственной расточительности человеческого труда. А потому первой предпосылкой планового хозяйства является принципиальный отказ от классовой эксплуатации труда и свержение капитализма.

Октябрьская революция осуществила у нас эту первую предпосылку планового хозяйства. Диктатура пролетариата, овладевшая в результате революции всеми командными хозяйственными высотами внутри страны и оградившая себя от внешних влияний капиталистического окружения монополией внешней торговли, представляет собой основную предпосылку планового хозяйства. Это совершенно необходимое условие народнохозяйственного планирования, но отнюдь еще не достаточное. Кроме этой политической предпосылки, для успешного планирования необходим еще целый ряд экономических и культурных предпосылок.

Диктатура пролетариата только открывает собою, но далеко еще не завершает эру социальной революции. Мы уже свергли политическое господство буржуазии, но еще не изжили ее экономических влияний и культурных наследий. Наряду с растущим социалистическим сектором хозяйства у нас еще сохраняются десятки миллионов единоличных хозяйств мелкой индивидуалистической буржуазии. В связи с этим влияние на наше хозяйство рыночной стихии только ограничивается плановым вмешательством советской власти, но отнюдь еще не исключается. Советская власть — это идеальный аппарат диктатуры пролетариата. Но ведь мы знаем, что эта диктатура — временное явление. Из аппарата классового господства она с уничтожением классов должна постепенно переродиться в аппарат чисто-хозяйственного планового управления — методами убеждения, а не принуждения. Имеется ли, однако, у нас уже налицо соответствующая культурная подготовка и этого аппарата, и всего населения. Нет, не имеется. Чтобы окончательно обезвредить наследие буржуазной культуры, которая так часто превращает общественных деятелей в бездушных бюрократов, заслуженных инженеров в злостных вредителей, доверенных кооператоров — в воров и растратчиков, нам предстоит еще даже после ликвидации буржуазии как класса проделать целую культурную революцию. Говоря короче, мы далеко еще не располагаем всеми предпосылками для вполне успешного рационального планирования. Наше время — переходная эпоха. Мы живем только под знаком ожесточенной классовой борьбы за плановое начало. Законченное плановое хозяйство, как и законченный социализм, у нас еще впереди.

2. ЦЕЛЬ В ПЛАНЕ

Давая формальное определение хозяйственного плана, мы можем ограничиться общим указанием, что такой план есть программа действий, ведущая к намеченной цели с наименьшими затратами сил. Задачей всякого плана, взятого вне времени и пространства, является, стало быть, осуществление экономического принципа наименьшей траты сил. Но мы планируем во времени и пространстве. И потому нам вовсе не безразлично, какую именно хозяйственную цель следует наметить в данной:

обстановке для осуществления ее с наименьшими затратами времени и усилий.

Целевая установка плана подлежит четкой конкретизации в зависимости от той конкретной обстановки времени и места, от которой мы исходим, тех сроков действий плана, какими мы располагаем, и той конечной цели или, говоря иначе, тех общественных идеалов, к которым мы стремимся. Таким образом, в числе моментов, определяющих собою целевую установку, а стало быть и все содержание плана, наряду с объективными фактами,—исходная хозяйственная обстановка,—мы сразу же наталкиваемся на субъективный фактор—идеологию субъекта планирования. Если хозяйственный план проектируется идеологом интересов пролетариата, содержание плана будет одно, если он проектируется идеологом буржуазии, содержание плана будет совсем иное.

С того момента, как целевая установка плана задана, все остальные стадии его проектирования могут быть сведены полностью к разрешению чисто познавательных задач. Конечно, не все эти познавательные задачи уже теперь могут быть разрешены вполне научно. Многие из них только впервые ставятся перед нами той или иной целевой установкой и потребуют еще немало исследовательской научной работы для своего разрешения. Но принципиально такие задачи входят целиком в область вполне объективного научного исследования.

Чтобы наш план стал вполне рациональной программой действий, мы должны, помимо той хозяйственной цели, которую мы себе поставили, знать ту хозяйственную среду, которая подлежит воздействию, те социальные законы и технико-экономические закономерности, которым она подчинена, те хозяйственные ресурсы, которыми мы располагаем по своему произволу и точную меру эффективности каждого мероприятия, которое мы включаем в свою программу действий. Тогда нам остался бы лишь выбор из арсенала возможных мероприятий тех, которые наиболее эффективны в данной обстановке и всего скорее приводят к намеченной цели.

Однако, объем указанных познавательных задач чрезвычайно велик. Социальные закономерности, управляющие динамикой общественных отношений в таком огромном комплексе, как народное хозяйство СССР, необы-

чайно сложны и мало изучены. Говоря о переходном характере переживаемого нами периода, мы имеем в виду борьбу в нем за преобладание только двух основных хозяйственных укладов—социализма и капитализма. Но более углубленный анализ вскрывает перед нами гораздо более сложное сплетение целых пяти исторических наслоений: от наиболее архаического натурального хозяйства через простое товарное к частно-капиталистическому и кончая такими новообразованиями, как прослойки государственного капитализма и мощные уже пласты последовательного социализма. Все эти осложняющие моменты в социальной структуре СССР создают в области познавательных задач, связанных с планированием, такие почти непреодолимые трудности, которые приводят нередко к преувеличенному скептицизму, если не к полному отрицанию возможности рационального планирования.

Откровенные враги социализма, конечно, без всяких обиняков заявляют, что задача планового хозяйства в масштабе целой страны вообще иррациональна, т. е. не поддается научному разрешению, и в этом смысле непосильна человеческому разуму.

И если трактовать понятие научного познания с высоты академического педантизма, то такая оценка возможностей планирования не лишена некоторого правдоподобия. Действительно, возможности точной науки весьма ограничены. Астрономия одна из самых совершенных наук. И все же задача о взаимном тяготении только трех свободных тел в пространстве не разрешена еще до сих пор в общем виде. Насколько же сложнее должна представляться задача о взаимодействии того необозримого множества социальных сил и хозяйственных молекул, какие сплетаются в сложное образование народного хозяйства. Построить план народного хозяйства—это значит предначертать пути движения всех этих молекул на несколько лет вперед. Законы взаимодействия этих молекул несравненно сложнее Ньютоновского закона тяготения. Какой же человеческий мозг мог бы охватить движение этих молекул в строгой математической формуле, дающей точный ответ о их взаимоотношениях для любого момента времени.

Если бы мы подходили к задачам планового предвидения с требованиями такой их общности и такой астрономической точности, то наше дело пришлось бы сразу признать почти безнадежным. Но в области общество-

ведения такой подход вообще неуместен, а в области планового дела и подавно.

Мы не ставим себе задач построения какого-то абстрактного плана „в общем виде“, годного для любого хозяйственного строя, где угодно и когда угодно. Вследствие этого мы кое-что теряем в общности задачи, но зато многое выигрываем в определенности. Задача о тяготении трех тел в общем алгебраическом виде, — т. е. без данных о том, где они находятся, по каким орбитам движутся, какова их масса, скорость движения и т. д., — не разрешена, но конкретная задача о взаимном тяготении гораздо большего числа тел солнечной системы решается без труда, и затмения луны и солнца предсказываются с точностью до долей секунды. Абсолютная точность в решении плановых задач тоже не имеет практической ценности. А между тем, нам уже приходилось отмечать в печати, что целый ряд научных задач, напр., задача квадратуры круга или триссекции угла, перед которыми до сих пор в бессилии отступала строгая математическая наука, практически, т. е. с допуском известной погрешности, разрешаются вполне удовлетворительно. И потому в конкретной плановой работе мы отнюдь не склонны преувеличивать теоретических трудностей практики планирования.

В связи с этим уместно, однако, поставить вопрос: как нам следует рассматривать плановое дело? Наука это или искусство?

Конечно, дело не в словах. Назовем ли мы плановое строительство особой теоретической наукой, или особым искусством хозяйственного управления, или прикладной наукой планирования, от этого не изменится суть дела. Известные элементы в нем, несомненно, могут современем развиваться в специальную теорию планирования. Другие всегда будут сохранять характер искусства. Соединение тех и других в одно целое можно будет назвать прикладной наукой. Во всяком случае на настоящей ступени своего развития всего приложимее к этому делу, на наш взгляд, термин плановое искусство, по аналогии со строительным искусством и с инженерным делом вообще. И вот почему.

Мы уже отметили, что характер народнохозяйственного плана всегда в известной мере определяется тем социальным зодчим, который его строит, его классовым стилем или, говоря иначе, его социальными устремлениями.

У одного проектировщика его плановая постройка вырисовывается, скажем, в стиле индустриализации, а у другого—в стиле аграризации. На одной и той же хозяйственной базе можно запроектировать план и в стиле Сталина, и в стиле Сокольникова, а то и в стиле Кондратьева, причем диапазон „нюансов“ в построении этих планов, несомненно, получился бы поразительный. Уже это сближает плановое дело с искусством в отличие от точных наук, решения которых обычно гораздо более однозначны и не зависят от субъективных свойств исследователя¹. Еще в большей степени, однако, отличает это дело от понятия науки другая его особенность. Наука, в общепринятом до сих пор смысле этого слова, ставит перед собой только познавательные задачи. Она стремится только познать мир, принимая его таким, каким он есть, был или будет. Это пассивное восприятие мира. А хозяйственный план это, прежде всего, программа действий. Он формулирует и концентрирует коллективную волю трудящихся вокруг известных задач. Он „предвидит“ не то что будет, а то что может и должно случиться при известном напряжении воли хозяйствующего коллектива. И он дает директиву к соответствующим действиям. Плановое искусство не приемлет сущего мира. Оно ставит перед собой задачу не познания, а пересоздания этого мира. Оно активно создает свой новый мир. Это творческое отображение мира.

Вокруг этого основного различия в подходе к плану в нашей литературе возникал уже целый ряд споров. Многие из наших советских ученых явно недооценивали и умаляли роль целевой установки в плане, творческое в нем начало, выдвигая вперед чисто познавательный момент планового предвидения.

Если же послушать рассуждения проф. Кондратьева о плановой методологии, то у него задача построения хозяйственного плана и вовсе сводится почти целиком к одному лишь научному предвидению грядущих хозяйственных процессов. А так как пределы возможного предвидения он ограничивает лишь выявлением наиболее общих тенденций развития, то и вообще роль хозяйствен-

¹ В общественных науках, впрочем, классовая идеология исследователя оказывает уже гораздо большее влияние на решения даже, казалось бы, чисто познавательных задач.

ного плана суживается им до рамок весьма абстрактного академического трактата о вероятных перспективах хозяйственного развития. Всякая конкретизация плана в определенную программу действий в соответствии с намеченной системой вполне конкретных цифровых лимитов и заданий представляется этому ученому, совершенно незаконным выходом за пределы доступного познанию.

Вокруг этого противоположения пассивно-познавательных моментов в планировании активно-творческому его значению у нас уже высказывалось довольно много весьма разноречивых мнений. Собственно говоря, против того, что в каждом плане должны сочетаться и научный прогноз, и целевые директивы или, как это по иному выражается, и генетика и телеология, никто не спорит. Спор идет лишь об относительном значении каждого из этих моментов в плановом деле. Одни высказываются за „примат“ генетики над телеологией. Другие, наоборот, познавательным моментам приписывают лишь весьма подчиненное, служебное значение, а целевой установке плана—решающее. Третьи пытаются эклектически примирить обе эти точки зрения, утверждая, так сказать, равноправие и генетики, и телеологии в каждом хозяйственном плане. Находятся, наконец, и такие, которые вообще не придают этому спору никакого значения, признавая его чересчур академическим. Однако, на деле, несмотря на весьма отвлеченную постановку спора и сугубо философскую терминологию, речь здесь идет о таких проблемах, которые чреваты весьма немаловажными практическими последствиями.

✓ Возьмем хотя бы для примера концепцию проф. Кондратьева. В качестве решительного сторонника примата генетики при построении перспективных планов он все свое внимание сосредоточивает на типах и пределах возможного предвидения. Правда, он не исключает из плана и целевых установок, но подчиняет и их все тому же „генетическому методу“ построения плана. „...Построение всех основных элементов плана, весь план, начиная с анализа хозяйственной действительности и ее вероятного хода, переходя к системе мероприятий и кончая системой самих перспектив представляется—проф. Кондратьеву—как бы пронизанным стоящей перед нами на каждом основном этапе работы над планом необходимостью практиче-

ского разрешения „проблемы предвидения“. Из намеченных в порядке предвидения перспектив следуют и директивы. „...Выдвигая те, а не иные перспективы,— поясняет проф. Кондратьев,—мы тем самым даем или, точнее, принимаем на себя определенную директиву в организации наших мероприятий и действий“¹. ✓

Более пассивной роли для хозяйствующего субъекта, как „принимать на себя“ директивы, извлеченные научным сознанием из анализа объективного хода вещей, трудно придумать. Но зато роль науки в этой концепции чрезвычайно почетна. Научное сознание в ней целиком определяет собою всю хозяйственную деятельность, а вместе с тем и все общественное бытие страны. Правда, это не совсем гармонирует с нашим опытом и учением Карла Маркса. До сих пор, наоборот, всегда бытие определяло собою сознание. Но, может быть, и наш опыт, и учение Маркса в данном пункте уже устарели для современного момента? Может быть, все же прав проф. Кондратьев? Тем более, что довольно неожиданно он нашел себе в этом пункте поддержку со стороны весьма сведущих ученых. Мы имеем в виду Громана и Базарова².

✓ Громан в своих „Тезисах“ о методологических принципах перспективного планирования, предложенных Госплану, определенно высказался за „синтез генетической и телеологической точек зрения при примате первой“. „Научный социализм,—по его словам,—в отличие от утопического выводил телеологию из генетического процесса развития“³. ✓

✓ Базаров формально не приемлет примата генетики. „Телеология и генетика,—по его утверждению,—не конку-

¹ Н. Д. Кондратьев. План и предвидение. Пути развития сельского хозяйства, 1927. № 2, стр. 11. Разрядка наша.

² Отмеченный нами здесь еще в 1928 г. идейный контакт бывших народников с бывшими марксистами, завершился, как теперь известно, вполне законченным политическим блоком Кондратьевщины с Громановщиной на платформе активного вредительства и подготовки интервенции против первого в мире пролетарского государства. Вот куда росли их тогдашние якобы чисто-теоретические с нами „разномыслия“.

³ См. „Материалы к заседанию Экономбюро 5/1 1928 г.“, тезисы 3 и 2. Разрядка Громана. В последнем замечании кроется явное недоразумение. Из генетического процесса К. Маркс выводил лишь историческую необходимость социализма, а не телеологическую его желательность. Последняя же в классовом обществе вообще не отвечает тем требованиям всеобщей значимости, какие составляют логическую принадлежность объективной науки.

рирующие между собой антагонисты, а диалектически связанные друг с другом моменты единого органического целого”¹. Но утвердив таким образом известное равноправие этих моментов, Базаров очень быстро отступает от него в следующем разъяснении:

„С точки зрения марксистской гносеологии все общественное развитие строжайшим образом детерминировано. Не только грядущие стихийные процессы, но и грядущая воля отдельных лиц и организованных классов, грядущие действия, направляемые личной или коллективной волей, и результаты этих действий с совершенной необходимостью вытекают из прошлого. Если бы мы располагали идеальным познанием, мы могли бы на любое число лет вперед с точностью рассчитывать путем генетического научного исследования и развитие материального базиса в данном обществе, и трансформации надстроек, и результаты взаимодействия базиса и надстроек. Ни о каких априорных целевых заданиях, ни о каких предварительных конструкциях или „моделях“ в нашей плановой работе не было бы тогда и речи. Мы не строили бы никаких вариантов, но, опираясь исключительно на изучение прошлого, сумели бы с полнейшей логической непреерекаемостью начертать единственно возможный и необходимый путь грядущего. К сожалению, мы бесконечно далеки от такого бесконечно глубокого и исчерпывающего познания. Поэтому в плановой работе мы, не умея предвидеть, вынуждены предвосхищать результаты развития в форме априорных целевых заданий и уже потом, а постериори, научно оправдывать и обосновывать их”².

Построение весьма определенное. Конечно, если целевые задания в плановой работе только суррогат недостающих нам знаний, приемлемый лишь по нужде и требующий себе последующего „оправдания“ перед судом науки, то о равноправии этого подсудимого с самим судьей говорить не приходится. Примат генетики над телеологией и даже более того полная диктатура генетического метода в плановом деле—здесь сама собою подразумевается. Неясным остается только одно. Не от-

¹ В. Базаров. Принципы построения перспективного плана. Плав. Хоз., 1928, № 2, стр. 38.

² Там же, стр. 40. Разрядка наша.

падает ли при такой „гносеологии“ самая потребность в построении каких-либо планов?

Намечая в плане известную программу действий, мы, несомненно, рассчитываем на известный их эффект. Мы исходим из предположения, что благодаря плану мы достигнем известных целей с меньшими затратами усилий, в более короткий срок и т. д. План строится для нахождения оптимальных путей грядущего. А понятие оптимального, т.-е. наилучшего пути предполагает, прежде всего, наличие и других, худших путей к намеченной цели, а затем и возможность выбора между ними со стороны планирующего субъекта. Но в построении Базарова этого выбора нет. Понятия оптимальности намечаемого в плане пути развития он не исключает. Напротив, в тезисах, предложенных Госплану, он прямо утверждал, что, располагая идеальным знанием, мы „опираясь исключительно на изучение прошлого, сумели бы с полнейшей логической непрерываемостью начертать оптимальный путь будущего“. И в то же время, по его концепции, таким путем оказывается вообще „единственно возможный и необходимый путь“. По-бытоватски это выражается формулой: чему быть, того не миновать. При таких предпосылках, конечно, и наихудший план дела не испортит. Но и наилучший, исходящий из идеальнейших знаний, делу не поможет. Мы и в том, и в другом случае, несмотря на худой или хороший план, пойдем все тем же единственно возможным и необходимым путем.

В этом построении, несомненно, чувствуется философская углубленность. Но, увы, в отличие от революционной философии марксизма здесь чувствуется совершенно иной философский дух—дух незабвенного д-ра Панглосса. В самом деле, попробуем расшифровать эту премудрость.

Если при идеальном знании „оптимальный путь будущего“ может быть предначертан, опираясь исключительно на изучение прошлого, то, стало быть, все будущее уже целиком предопределено прошлым. Строить планы, чтобы изменить что-либо в этом будущем, в сущности, бесполезно, ибо для этого пришлось бы изменить определяющее его прошлое, а прошлое, увы, уж во всяком случае вне нашего воздействия. К тому же в этом нет и никакой нужды, ибо приведенная выше „генетическая“ формула и без того гарантирует нам

единственно возможный и необходимый „оптимальный путь будущего“. Правда, у нас нет еще идеального знания, чтобы уже теперь познать этот путь. Но это ничего не может изменить в прошлом, а, стало быть, и в будущем. Будущее, очевидно,—даже без нашего о том ведома и сознательного в этом деле участия—осуществит самотеком свой „оптимальный“ путь. А если это так, то разве не прав старик Лейбниц в своем учении о предустановленной гармонии? И разве не имел основания почтенный д-р Панглосс даже в лиссабонском землетрясении усматривать осязательный аргумент в пользу того, что мы живем в наилучшем из возможных миров?

Мне кажется, что в данном случае Базаров пошел гораздо дальше, чем он сам этого хотел. Его „генетическая“ формула не принадлежит к числу тех, которыми изменяют мир. Такая философия, как гашиш, услаждая воображение, может лишь угадать волю и расслаблять мышцы борцов за лучшее будущее. Еслиб ее воспринял революционный пролетариат, то это было бы, конечно, только на руку буржуазии. Но может ли мировой пролетариат в современной обстановке кому-либо поверить, что он уже обрел наилучший из возможных миров? Захочет ли он все дальнейшее предоставить своей собственной судьбе, возложив все надежды на оптимальное течение генетического самотека?

Конечно, нет. Такая опасность ему, во всяком случае, не угрожает.

Правда, марксисты были всегда детерминистами. Историческая обусловленность и закономерность событий—это основа, на которой зиждется социалистическое учение Маркса и Энгельса. Но в число факторов, создающих из прошлого и настоящего наше грядущее, мы всегда включаем не только материальный базис, но и самих людей с их творческой волей и конкретными социальными устремлениями. Мы отнюдь не преувеличиваем этим роль личности в истории. В сущности говоря, отдельные личности сами по себе вообще на наш взгляд не входят в предмет обществоведения. Но историческую роль целевой устремленности и прямого действия масс в классовой борьбе трудно преувеличить. Даже оставаясь в рамках капиталистического общества, где с максимальной силой царят стихийные факторы исторического процесса, наши учителя не сомневались,

что революционная партия пролетариата может и должна стать повивальной бабкой истории, чтобы сократить объективно-неизбежный, но весьма мучительный процесс родов нового—социалистического общества. А самый переход из рамок капиталистического господства рыночной стихии к новым условиям рационального планового хозяйства они рассматривали как прыжок из царства необходимости в царство свободы.

Как надо понимать это царство свободы? Означает ли оно „свободу воли“ в смысле неограниченного произвола каждого человека ставить перед собой любые цели? Нет, не означает. Наша воля, как и все остальное, исторически обусловлена. Часто говорят даже: свобода—это познанная необходимость. Но это изречение не следует истолковывать слишком вульгарно. Московские старожилы, вероятно, помнят на Мясницкой две вегетарианские столовые: одну под вывеской: „Убедись“ и другую, рядом с первой, под столь же лаконичным лозунгом: „Примиись“. Эти лозунги вегетарианского смиренного мудрия повидимому, ставили своей задачей в отношении посетителей столовых заставить их не только убедиться из состава предлагаемых им меню, что их рассматривают здесь без всякой романтики в качестве весьма непритязательных травоядных-жвачных, но и добровольно примириться с этой незавидной участью. Вступив на эту стезю, нетрудно и „свободу“ детерминистов истолковать в духе такого же сознательного примирения со своей горькой участью и добровольного подчинения непреодолимой необходимости.

Иначе понимаем мы взаимоотношения между свободой и необходимостью. Каждый человек имеет определенные желания и потребности. Их можно изжить двумя путями. Либо путем аскетического самоограничения, как Диоген в бочке, либо путем активной борьбы за их удовлетворение. Первый из них это путь слабых, рабов, угнетенных, второй—путь сильных и свободных. Лишь превращаясь из слабой твари в мощного творца, человек становится свободным. Возможность осуществления воли к творчеству—вот свобода. Чем шире эта возможность у человечества, тем оно свободнее, и, наоборот—чем она уже, тем оно зависимее от окружающей его среды. Что же дает эту свободу? Познание тех объективных закономерностей, которые присущи природе вещей и строю данного общества. Но не для того, чтобы им

пассивно подчиниться, а для того, чтобы, овладев ими, находить путем целесообразного их отбора кратчайшие дороги к осуществлению своих творческих задач. Познавая необходимость, мы тем самым вооружаемся для творческого ее преодоления. Таким образом, познанная необходимость—это путь к творчеству, а стало быть и к свободе. Говоря иначе, познанная необходимость это уже не узы, а орудие свободы. И если говорят: „Свобода—это познанная необходимость“, то подразумевают: свобода—это преодолеваемая путем познания необходимость.

Познание законов объективной необходимости является крайне важным условием свободного творчества, но отнюдь не достаточным. Знакомство с механизмом вселенной вообще и хитрой механикой социальных взаимоотношений в особенности для того, чтобы управлять в меру своих сил этим механизмом и по своему регулировать эти взаимоотношения, совершенно необходимо. Но сверх того необходима еще известная организация тех сил и средств, которые требуются для успешного регулирования соответствующих механизмов в интересах человечества. Мы имеем здесь в виду прежде всего организацию коллективной воли к рациональному хозяйственному творчеству. Это второе, не менее важное условие для реализации возможно полной свободы человеческого общества, взятого в целом.

При капитализме мы уже достигли довольно высокого уровня теоретических и технических знаний, чтобы творчески использовать их в интересах всего человечества. Но при той анархической организации этого раздираемого внутренними противоречиями строя, которая делала человека человеку—волком, вышеуказанная задача была неразрешимой. Накопляемые знания, как и все другие блага, концентрировались и монополизировались в руках одной, меньшей части общества, чтобы служить орудием угнетения всего остального человечества. При этом строе возможно было только индивидуальное творчество и, стало быть, только индивидуальная свобода отдельных членов общества за счет еще большего обездоления в этом отношении огромного большинства остальных. Только социализм, разрушающий все монополии, преодолет эту анархию. Только плановое хозяйство, организуя волю трудящихся масс, координируя хозяйственные устремления всех людей и направляя их параллель-

ным пучком к общей цели, создает новые условия коллективного творчества. Лишь единый хозяйственный план создает необходимые и достаточные условия полного использования стихийных сил природы и хозяйственных ресурсов общества для достижения тех или иных сознательно поставленных им перед собой задач.

Вот в каком смысле социальная революция, утверждающая плановое начало в хозяйстве, знаменует собою прыжок из царства необходимости в царство свободы.

Мы готовы согласиться с Базаровым, что телеология и генетика в плане представляют собою „диалектически связанные друг с другом моменты единого органического целого“. Но мы не забываем, что диалектика это развитие путем противоречий. Диалектическая связь, стало быть, отнюдь не исключает, а даже, наоборот, прямо предполагает возможность известной коллизии между собою названных моментов. Чтобы не расплываться в абстракциях, обратимся к конкретному примеру. Исследуя генетически, куда ведут естественные пути хозяйственного развития нашего Союза, любой ученый мог бы в порядке вполне объективного прогноза начертать перед нами блестящую перспективу аграрного развития СССР. Естественные условия СССР в связи с идеей наиболее рационального разделения труда в международном масштабе прекрасно оправдывали бы такую генетику и с точки зрения принципа общего подъема производительных сил мирового хозяйства. И все же эта генетика сразу же столкнулась бы с резко противоположной ей телеологией. Социалистическому пролетариату отнюдь не улыбается такая перспектива, несмотря на всю ее правдоподобность и осуществимость. В интересах мировой социальной революции нам невыгодно превращать единственную пока страну победоносного социализма в колониальный придаток западного империализма. И вопреки всяким генетическим аргументам в пользу аграризации страны мы выдвигаем совершенно противоположную целевую установку—на индустриализацию СССР.

Спрашивается, чему же пришлось бы отдать предпочтение в случае такого столкновения генетики с телеологией?

Я не сомневаюсь, что всякий идеолог пролетариата высказался бы в этом случае без колебаний за „примат“ телеологии. И в этом не было бы никакого пренебре-

жения ни к естественным тенденциям общественного развития, ни к законам природы и т. п. категориям научного мышления, а был бы простой трезвый учет удельного значения в общей цепи социальной закономерности и той силы, какую, представляет собою классовая воля организованного пролетариата. Не нос создан для табакерки, а табакерка для носа. Не пролетариат должен служить науке, а наука пролетариату. И если, согласно указаниям научного прогноза, самотек истории в том или другом частном случае угрожает вылиться не в то русло, какое ему нами предназначено, то мы используем это предвидение только для того, чтобы во время преградить этому самотеку дорогу соответствующими инженерными сооружениями и направить его в надлежащую сторону.

Конечно, и классовые устремления пролетариата отнюдь не случайны. Нельзя же себе представить, чтобы по мановению какого-то каприза буржуазия устремилась вдруг к социализму, а пролетариат — к капитализму. Но раз известные волеустремления класса налицо, о них уже нет нужды гадать в порядке тех или иных генетических прогнозов, а следует считаться как с заранее данным фактом. Целевые установки пролетариата, его классовая воля и программа действий нам уже даны. В наиболее общем виде они зафиксированы в программе Коминтерна. Дальнейшее развитие этой программы применительно к рамкам СССР мы находим в партийной программе ВКП(б). Хозяйственный перспективный план СССР в своих целевых установках должен явиться дальнейшим экономическим развитием этой программы на тот или иной календарный отрезок времени. Недаром В. И. Ленин первый же из наших хозяйственных планов, генеральный план электрификации ГОЭЛРО, назвал второй программой партии.

В условиях СССР хозяйственный план является, стало быть, лишь календарным отрезком партийной программы революционного пролетариата. Уже из этого следует, что основной задачей наших перспективных планов на весь переходный период от капитализма к социализму будет строительство социализма. Но эта основная историческая наша задача в каждом плане, в зависимости от конкретной обстановки данного отрезка времени, подлежит развитию в целую систему соподчиненных основной цели и внутренне согласованных между собою

экономических заданий. Конечно, в порядке последовательной конкретизации задач хозяйственного плана одни, более общие, непосредственно выводятся из основной задачи строительства социализма и ближе к ней примыкают, другие, более конкретные, связаны с ней целой цепью промежуточных звеньев. Таким образом, может быть установлена известная цепная связь этих заданий с основной целевой установкой.

На этой стадии построения плана мы, стало быть, идем не генетическим, а телеологическим путем. Одни задания или директивы выводятся из других не в порядке перехода от причины к следствию, а в обратном порядке следования от конечной цели к отбору тех средств, которые ведут к ней кратчайшим путем. Конечно, в качестве последователей научного социализма, мы не можем себе ставить утопических задач. Мы должны иметь полную уверенность в осуществимости наших директив. А для этого надо твердо знать меру эффективности всех тех средств, которые избираются нами для осуществления наших целей. Мы должны предвидеть, ведет ли данное средство к намеченной цели, т. е. является ли оно достаточной причиной для наступления желаемого следствия. Иначе говоря, мы должны телеологическую цепь средств и целей строить на твердом научном базисе изучения генетической их между собой связи в качестве причин и следствий. Телеология должна опираться на генетику.

Вот в каком смысле наш план должен представлять собою синтез директив с прогнозом или телеологии с генетикой.

В чем же, однако, заключается выгода такого следования при построении плана от целей к средствам, вместо того чтобы идти, казалось бы, более нормальным с точки зрения требований науки путем от причин к следствиям?

Основное методологическое преимущество этого пути заключается в его экономности. Отправляясь от известной цели к отбору пригодных для этой цели средств, мы резко ограничиваем поле и объем своих познавательных задач. Вне этого поля остается сразу вся та огромная масса возможных причинных связей, которая не имеет прямого и непосредственного отношения к намеченной цели. При обратном, т. е. генетическом, ходе исследования мы должны были бы подвергнуть

своему анализу для построения прогнозов о будущем всю совокупность явлений прошлого и настоящего, ибо каждое из них чревато каким-то будущим. Необъятность этой задачи усугублялась бы еще тем, что в круг фактов, подлежащих предвидению, пришлось бы включить и сумму тех волеизъявлений, которые должны определяться нашим хозяйственным планом. А это предполагает уже в начале работы известным тот план, который может быть построен только в качестве ее завершения.

Конечно, исходя из заранее заданных целевых установок, мы уже тем самым ставим перед собой плановую проблему нахождения оптимальных путей хозяйственного развития не в общем ее виде, а сознательно ограничиваем ее пределы одним лишь вполне определенным частным случаем. Но именно это и позволяет нам достигать весьма элементарным путем вполне научного разрешения столь сложных задач, которые в самом общем виде вообще едва ли поддаются разрешению.

К тому же мы очень сомневаемся в целесообразности постановки таких проблем „в общем виде“ и по другим соображениям. Понятие „оптимального“ пути развития весьма относительно. Оно неизбежно подразумевает какого-то определенного субъекта, для которого этот путь явится оптимальным. Ставить эту проблему в общем виде это значит искать таких путей, которые для всего общества в целом оказались бы оптимальными. Но в классовом обществе то, что явилось бы оптимальным для буржуазии, не может оказаться таковым же и для пролетариата. И наоборот—оптимальное для пролетариата отнюдь не заслужит такой же оценки со стороны буржуазии. Если же мы заранее исходим из интересов только одного пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в данной стране, то этот „частный случай“ разрешается, конечно, несравненно проще. Но тут уж примат телеологии, т. е. определенной целевой классовой установки, в проектировках оптимального плана сам собою подразумевается.

Постановка задачи нахождения оптимальных путей развития в общем виде, исходя только из прошлого, таким образом игнорирует прежде всего классовое строение нашего общества. И если даже такая генетическая постановка плановой проблемы претендует на

звание сугубо научной, мы не можем оказать ей должного кредита, ибо не верим в силу и объективность общественной науки, парящей над классами в безвоздушном пространстве.

1928 г.

Б. ПРАКТИКА ПЕРСПЕКТИВНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

(К истории первой пятилетки)

1. ОБСТАНОВКА РАБОТЫ

Госплан Союза начал свою работу с апреля 1921 г. Чтобы оценить по достоинству те условия, в которых